

Андрей Лазарчук
Ирина Андронати

КОСМОПОЛИТЫ

За право летать

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Л17

Лазарчук А., Андронати И.

Л17 Космополиты : За право летать : [роман] / Андрей Лазарчук, Ирина Андронати. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 445 с. — (Серия «Пальмира — фантастика»).

ISBN 978-5-517-01135-0

Андрей Лазарчук — живой классик русской фантастики, ученик братьев Стругацких и создатель собственной литературной школы, лауреат всех основных премий в своем жанре. Однако сам писатель полагает, что его произведения не являются фантастикой как таковой. Определяя собственный художественный метод, он называет его «турбореализмом».

Земля, недалекое будущее. Все больше таинственных исчезновений людей.

А потом — Вторжение Империи, для которой люди — всего лишь генетический материал, а Земля — огромный огород. Их технологии куда выше наших.

Горят флоты, взрываются ракеты, уничтожается армия.

И только вмешательство ударивших по имперским крейсерам таинственных марцалов спасает, казалось бы, Землю от порабощения...

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-521-73919-6

© Лазарчук А. Г., Андронати И. С., 2021
© Оформление.
АО «Т8 Издательские технологии», 2021

Светлой памяти
Александра Исааковича Мирера

*...Межпланетная посуда
С межпланетными гостями
Зацепилась за лужайку
Межпланетными когтями!*

*На букеты дикой редьки,
На левкои луговые
Из тарелки вышли дядьки,
Гуманоиды живые.*

Сердце Хлои как заносит...
(Юнна Мориц)

Авторы категорически заявляют, что за любое сходство персонажей с реальными людьми ответственности не несут, потому что вот не хотят, и всё; кроме того, авторы прекрасно знают, что слово «долбанный» по правилам современной орфографии пишется с одним «н», но с двумя оно выглядит гораздо лучше.

ПРОЛОГ

31 декабря 2000 года

Вид из-под края скатерти открывался интересный, но уж очень ограниченный — тапочки, туфли, брюки и юбки. Ещё были толстые светло-серые шерстяные носки с заштопанными пятками. Они все время крутились рядом с лакированными белыми туфельками, а те, застенчиво цепляясь друг за дружку, всё норовили удрать на другую сторону стола. Носки уныло плелись следом, настигали, снова топтались вокруг; это была медленная, но упорная погоня, не оставлявшая туфелькам ни малейших шансов на спасение.

Санька с шипением втянул воздух ртом и прицельно вылил газировку из бутылки прямо под штопанный левый носок. Хорошая была газировка, противная, тёплая, сладкая, липкая... «Буратино».

Носок подскочил, затрясся в воздухе и, прихрамывая, удрал. Наверное, в ванную.

Но туфельки почему-то устремились за ним. Озадаченный Санька попробовал газировку и ничего не понял.

— Ой, да ну что вы, Адичка, какое беспокойство, это вы нас простите, не уследили, Санька, паршивец, сладу с ним нету, сейчас вот вытащу из-под стола и устрою ему полный миллениум... Он у меня до следующего сесть не сможет!

Адам, сидевший на краю ванны с мокрым носком в руке, искренне расхохотался. Перспектива встретить новое тысячелетие босиком его не слишком радовала, но... что-то в этом было. Некое философическое начало.

В доме мужских носков не водилось. Это он знал точно. Здесь жили его двоюродная бабушка (или внучатая тётка?), её дочка Людмила Михайловна, сводная сестра Адамовой матери, побывавшая в своё время за мужем за приёмным дедом Адама, её дочка от этого брака Аля — Адам вечно путался в сложных родственных соотношениях, но твёрдо помнил, что эта самая Аля, тётка, сестра или племянница, младше его на четыре год— и, конечно, паршивец Санька, то ли брат, то ли внучатый племянник, совершенно озверевший в этом бабёшнике без мужской правки.

— Я их сейчас быстренько высушу, феном, у меня хороший фен, с двумя скоростями, и ещё насадка такая, для спиральных кудрей, только всё никак не получается...

У Алины никогда ничего не получалось, кроме забавных приключений на наиболее выступающую часть тела. Такова была её замысловатая планида, вся в спиральных кудряшках.

— Не надо, — попросил Адам. — Давай лучше утюгом. Я только постирну...

— Нечего хорошую вещь портить, — всунулась в ванную бабка Калерия. Адам про себя называл её Шапокляк и всё время боялся оговориться. Дело было не в возрасте. Особая старушечья шустрость и мышкооб-

разность проявились у Калерии, по слухам, лет в тридцать с небольшим... — Придумали тоже, шерстяной предмет утюгом сушить, сильно много у тебя шерстяных предметов-то. Сгорит ведь, чему тебя в твоей академии учили!

— В училище, Калерия Юрьевна, — привычно поправил Адам.

— Нынче у нас все ПТУ в академии залупились, а у вас всё училище и училище! — возмутилась бабка. — Вот поэтому и носки шерстяные утюгом гладишь.

— Да не глажу я...

— Ладно, сейчас к Сергею схожу, может, у него есть... Чистые... — решила бабка Калерия, но в голосе её отчётливо слышалось сомнение.

— Есть, есть! — восторженно завопила Аля.

— А ты откуда знаешь? — немедленно прищурилась бабка.

— Ой, и правда, Калерия Юрьевна, — поспешил вмешаться Адам, — он при мне вчера покупал, упаковку. Я сейчас сам и схожу.

— Куда вы, босиком-то, — с запозданием сообразила Аля, — я сама... — и шустро выскочила за дверь.

— Ты, Адамчик, посиди, — распорядилась Калерия Юрьевна, — а я к гостям пойду. Неловко.

Адам деловито выстирал липкий носок, прополоскал его под струёй воды. Интересно, устроят Саньке миллениум или обойдётся? Воспитание детей оставалось для Адама процессом таинственным и непредсказуемым. Его самого практически не воспитывали — и вот, очень даже неплохо получилось. Во всяком случае, сам он искренне считал именно так.

Дверь приоткрылась, и в щели показалась очаровательная остренькая мордашка Леночки Град, трою-

родной или четвероюродной сестры... или золовки? Во всяком случае, ухаживать за ней точно можно, это Адам выяснил наверняка. Реакция бабки Калерии была однозначно положительной.

— А у тебя пистолет есть? — сходу спросила Леночка.

— Есть.

— А дашь пострелять?

— Ну... — уклончиво ответил Адам.

Леночка погрозила ему пальчиком:

— Обещал!

— В тире, — уточнил Адам. — Не во дворе.

— Не-е... неинтересно.

— Во дворе — дам подержать, — предложил он. — Но с предохранителем.

Леночка недоумённо захлопала ресницами и покраснела. Она хотела что-то сказать, но вдруг качнулась вперёд и, не устояв на ногах, повисла у Адама на шее. Пахнуло сладкими — слишком сладкими — духами и чем-то ещё, куда более приятным.

Алина, впихнувшая её в ванную, ворвалась следом, победно размахивая звёздно-полосатыми лыжными носками.

— Я же говорила, что есть! Вы надевайте, Адичка, надевайте. Они колючие, но ничего.

— Полный миллениум, — констатировал Адам, снимая с себя Леночку. — Российский офицер в носках потенциального противника.

— Зато вы попираете их ногами, — не растерялась Аля.

— Ой, это же Серёжины, — узнала Леночка.

Адам слегка насторожился. Леночка, внезапно смутившись, принялась расправлять мокрый носок на горячей трубе.